

© 2000 г.

И.А. ГОЛОСЕНКО

ПИТИРИМ СОРОКИН О ВНУТРЕННИХ НАРУШЕНИЯХ СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА

ГОЛОСЕНКО Игорь Анатольевич - доктор философских наук, главный научный сотрудник Социологического института РАН (Санкт-Петербург).

Начиная с первой крупной работы "Преступление и кара, награда и наказание" (1913 г.) всю последующую жизнь в науке П. Сорокин интересовался нарушениями социального порядка, рассматривая их в качестве важнейших внутренних процессов, протекающих в социальном теле. В сравнении со многими другими социологами, занимавшимися данной проблемой, он не только расширил фактическую базу анализа, изучая нарушения от античности до наших дней, но и создал концепцию наиважнейших социальных нарушений. Он писал: существование пульсации - "органические и критические периоды", социальный порядок, его нарушение и восстановление - хорошо известно, но некоторые глубинные и наиважнейшие аспекты этого процесса "известны много меньше" [1, с. 572]. В частности, известно ли о том, каково общее соотношение между "органическими" и "критическими" периодами в жизненной истории различных обществ, когда они берутся в долговременной перспективе? Являются ли социальные штормы чем-то экстраординарным и ненормальным, как многие считают? Повторяются ли нарушения и если да, то с какой периодичностью? Существуют ли страны, в которых постоянно царит порядок и стабильность, и страны, где пре-

Статья была подготовлена на основе доклада, прочитанного автором на Всероссийской научной конференции "Социология в Санкт-Петербурге и Санкт-Петербургском государственном университете" 28 июня 1999 года, приуроченной к 10-летию деятельности факультета социологии СПбГУ.

имущественно штормит? Обнаруживается ли в истории тенденция прогрессивного уменьшения "критических периодов", в частности, уменьшения их продолжительности, частоты повторения, жестокости протекания и т.п. и, соответственно, наблюдается ли увеличение век от века периодов внутреннего социального мира, как склонно считать большинство? Становятся ли нарушения социального порядка менее свирепыми, буйными, кровавыми и судорожными за последнее время? Поиск ответов на эти важные вопросы и составил костяк его концепции социальных нарушений и их роли в жизнедеятельности общества. Дополнительным побудительным мотивом для его исследовательского поиска, а также его творческим стимулом всегда было крайне неудовлетворительное состояние разработок этой проблематики современной социальной наукой. Он был убежден, что подавляющая часть "теорий", посвященных пульсациям, рассматривавших "органические и критические периоды", представляли собою набор благих пожеланий и идеологических верований, а не внимательно выверенные научные теории. Посмотрим, к чему пришел в итоге сам Сорокин, выделив в его анализе следующие разделы: I. Классификация и дифференциация социальных нарушений. II. Система индикаторов нарушений и фактическая база исследования. III. Мифы о социальных нарушениях. IV. Главные итоги исследования.

Классификация и дифференциация социальных нарушений

С точки зрения социальной онтологии Сорокин выделял пять классов нарушений: 1) Политические нарушения, способные вызвать изменение существующего политического режима или строя; 2) Социальноэкономические нарушения, направленные на модификацию социального и экономического порядка; 3) Национальные и сепаратистские нарушения, направленные на достижение национальной независимости, автономии или каких-либо привилегий на национальной почве; 4) Религиозные нарушения - дезорганизация, раскол церковной жизни, конфликты разных конфессий и т.п.; 5) "Смешанный тип" нарушений, без единого лидирующего класса, объединяющий их в самые причудливые комбинации [1, с. 578-579].

Он следующим образом уточнял и дифференцировал нарушения, которые должны были стать объектом его анализа:

А) Нарушения могут иметь место на персональном, групповом (институциональном), социальном уровнях и самом широком - в рамках мировой системы, как называл ее Сорокин, суперсистемы. Если первый вид нарушений из этого списка можно представить так: ^-^-, то последующие виды усложняются, учащаются, ибо передаются от группы к группе, от института к институту, от страны к стране и их можно изобразить так: -^/\^/\^-. Сорокина интересуют именно такие наслаивающиеся нарушения в жизни групп, институтов, обществ и их систем.

Б) В повседневности в изобилии встречаются нарушения совсем не опасные для целостности социального порядка (скажем - несоблюдение как пешеходами, так и водителями машин правил уличного движения, прогул студентами лекций и т.п.), но есть нарушения, грозящие разрушением порядка - это погромы, бунты, мятежи, кампании неповиновения, волнения, революции. Сорокин их называл "наиважнейшими" нарушениями, и именно они его интересовали в первую очередь. Нарушения этого вида попадают в анналы истории, в то время как первые проходят мимо внимания большинства людей и не остаются в исторической памяти.

В) Следует различать разные виды нарушений и в зависимости от исторического времени существования групп и институтов. Одни нарушения напоминают "болезни роста" бурно развивающегося молодого организма, "растущие витальные силы группы (к примеру, нации), не могут оставаться в старой сети социальных отношений и рвут их тут и там" [1, с. 599]. Другие же напоминают недомогание старческого организма во время социального упадка, развала и истощения творческих сил данного общества или от некоторых катастрофических несчастливых внешних обстоятельств количество нарушений быстро растет и обычная, нормальная жизнь для группы оказывается

невозможной [1, с. 600]. Большинство известных революций - этой самой мощной формы социальных нарушений — как раз выросло из состояния упадка и общей дезорганизации. Именно эта разновидность нарушений стареющего социального порядка привлекла внимание Сорокина. Не случайно он посвятил революциям специальное подробное повествование [2].

Сорокин подметил, что многие исследователи, особенно историки, при описании социальных нарушений часто используют, как он выразился, "вербальный квантитизм": "великая революция", "мелкие и отдельные беспорядки", "сравнительно бескровные", "очень жестоко", "долго", "большие грабежи", "увеличение или уменьшение нарушений" и т.п. [1, с. 577]. Но подобное словоупотребление часто бывает неопределенным и только создает видимость строгой оценки. Можно, конечно, передать свои эмоции в словах - "нарастающий или затихающий шторм или мертвая зыбь", а можно воспользоваться более строгой одиннадцатибальной шкалой. Естественно, возникает вопрос: почему бы не попытаться сходным образом замерять социальные штормы? Поэтому Сорокин решил опереться на систему более строгой квантификации, построенную на выяснении и группировке разных индикаторов социальных нарушений, которые стали им изучаться в комбинации четырех качественно-количественных аспектов: 1) Зона нарушений, т.е. их место в социальном пространстве; 2) Пропорции населения, активно включенного в нарушение (за и против); 3) Продолжительность нарушения; 4) Пропорции напряженности нарушения [1, с. 573]. И на какой же фактической базе шел отсчет индикаторов?

Система индикаторов нарушений и фактическая база исследования

Сорокин в продолжение концепции "сельско-городского континуума", которую он разрабатывал в конце 20-х годов совместно с К. Циммерманом, предположил, что в крупных городах социальные нарушения по роли и значимости выше, чем в мелких городах и деревнях, хотя бы и размещенных на большом географическом пространстве, ибо степень мобильности, гетерогенности и интенсивность социальных взаимодействий, приходящихся на жителя крупных поселений неизмеримо больше [3]. Учитывая это обстоятельство, он выдвинул 100-балльную шкалу нарушений в зависимости от их места в социальном пространстве: 1 балл получало нарушение локального характера, произошедшее в сельской местности или небольшом ограниченном районе; 3 - сходное нарушение в нескольких сельских районах или маленьком городке; 5 - нарушение в большом городе; 10 - нарушение в нескольких городах среднего размера, в одном важном городе, или маленькой провинции; 20 - нарушение в большой провинции или части столицы; 40 - нарушение в нескольких больших провинциях или в целом в столице; 60 - нарушение в столице, перекинувшееся на несколько провинций; 80 - нарушение, захватившее большую часть страны; 100 — нарушения, охватившие страну полностью [1, с. 574].

Что касается социального времени, природа которого всегда глубоко интересовала Сорокина [4], то он в применении к нарушениям замерял его по следующей схеме. Кратковременные нарушения, продолжающиеся один или несколько дней получали 1 балл. Более продолжительные беспорядки, растягивающиеся на несколько недель, - 3 балла. Многомесячные волнения получали 5, а годовой длительности - 10 баллов. Далее по 5 баллов прибавлялось за каждый год до пятилетнего периода, а нарушение, затянувшееся более чем на 5 лет, получало 30 баллов [1, с. 574]. Несколько забегаю вперед, отметим, что фактически нарушение всех временных классов были им обнаружены в жизни европейских стран, но подавляющее большинство попало во второй класс, т.е. их длительность составляла несколько недель. Очень маленькие пропорции составили нарушения длиною в год, во всех странах - менее 1% и только в России и Нидерландах - 3% [1, с. 590].

Пропорция населения, включенного в процесс нарушений, породила классификацию из пяти групп и следующую количественную оценку ее составляющих.

1) Нарушение, произведенное несколькими лицами (заговорщиками, преступниками и т.п.) оценивалось в 10 баллов; 2) Нарушение, бывшее делом рук небольшой группы лиц, получало 30 баллов; 3) Нарушение, совершенное большой общностью (профсоюзная, партийная, религиозная, национальная, рабы и т.п.) - 50 баллов; 4) Нарушения большого массива населения, комбинирующее действие нескольких указанных выше общностей - 70 баллов; 5) И, наконец, нарушения, которые привлекли в ряды своих творцов практически все активное и взрослое население претендовало на 100 баллов [1, с. 575].

Как социолог, Сорокин высоко оценивал книгу представителя субъективной школы М. Энгельгардта "Прогресс как эволюция жестокости" (1889 г.), в которой были подвергнуты обоснованной критике развешенные представления о прогрессе как процессе автоматического смягчения нравов, роста цивилизованности и альтруизма [5, с. 171, 193 и другие]. Сорокин считал аргументы и иллюстрации Энгельгардта об антигуманности материально-технического прогресса европейской западной культуры самыми пронизательными в русской социологической библиотеке. Пропагандируя российские социальные исследования в США он писал о том, что эту книгу "можно оценить как одну из самых оригинальных и глубоких по мысли работ в области реалистической интерпретации социальной эволюции" [6, с. 10]. Он сам проявил настойчивый интерес к колебаниям насилия и жестокости в социальных нарушениях и разделил последние в этой связи на пять классов. 1) Нарушения, проходящие без насилия, были оценены в 1 балл; 2) Сопровождающиеся незначительным насилием - в 3 балла; 3) Нарушения с покушениями на жизнь и собственность: убийства, поджоги, грабежи в большом размере получили 5 баллов; 4) Масштабные насилия и свержение власти в различных местных центрах, но без серьезных социальных эффектов оценивались в 7 баллов; 5) Тотальное насилие, сокрушение и сбрасывание центральной власти, приведшие к серьезным социологическим последствиям — в 10 баллов.

Революция и гражданская война в России сопровождалась страшными эксцессами и кровопролитием. Европейская и американская массовая печать была переполнена рассказами о жестокости ... "русских". Сорокин, не отрицая фактов жестокости в эти годы, непосредственным свидетелем которых был и он сам, занялся вопросом внимательнее. В России за последние 987 лет (с 946 по 1933 годы) он обнаружил 167 серьезных волнений, т.е. в среднем каждые 5,9 лет. Из них в первый класс по реестру жестокости попало 4,7%, во второй - 59%, в третий - 21,4%, в четвертый - 11,3%, а в пятый - 3,6%. Больше половины попали в менее "кровожадные" рубрики, в то время как другие европейские страны дали наибольшие проценты как раз по третьему и четвертому классам [1, с. 576].

Индикаторы нарушений собирались за внушительный промежуток времени - с 60 века до н. э. до 20 века н. э., т.е. охватывая античную цивилизацию (Древняя Греция, Рим, Византия) и европейскую цивилизацию с 6 в. н. э. Для проведения ряда сравнительных сопоставлений Сорокин выделил в последней ряд отдельных исторических единиц в лице национальных государств: Англию, Францию, Италию, Испанию, Нидерланды, Россию и два анклава: Германию-Австрию, Польшу-Литву. Весь общий временной цикл был разбит на 25 и 100-летние отрезки. Замеры нарушений делались по упомянутой выше четырехаспектной схеме и сводились в общие списки, таблицы, графики и диаграммы. Для подсчета беспорядков, внутренних переворотов, революций и замеров их разных сторон использовались фактические данные о них, собранные в многотомной Британской энциклопедии, в исторических хрониках, научных историографических изысканиях. Эти сведения фиксировали флуктуацию социальных нарушений (увеличение и уменьшение) от периода к периоду, от страны к стране, от цивилизации к цивилизации. По объему данных этот анализ был беспрецедентным; совершенно очевидно, что его исполнение было не по силам одному человеку, поэтому Сорокин в начале 30-х годов пригласил ряд ученых русского зарубежья принять

участие в проекте. По интересующей нас теме ему вызвались помочь крупнейшие специалисты по военной социологии — генерал Н. Головин, полковник А. Зайцев, блестящий социолог права Н. Тимашев, культуролог Д. Болдырев и другие. За очень скромный гонорар эти выдающиеся русские специалисты, проявив понимание и доброту, согласились подготовить для Сорокина многочисленные количественные схемы преобладающих ценностей и социальных отношений в то или иное время по спискам, которые он им составил [7, с. 199]. В течение пяти лет он обрабатывал полученные материалы, устанавливал причинную и значимую логическую корреляцию между ними. Как Сорокин позднее признался, ему удалось обнаружить несколько удивительно интересных вещей и прежде всего убедиться в том, как много предрассудков существует о нарушениях и в науке, и в массовом обыденном сознании. К чести Сорокина некоторые из них, после выхода третьего тома "Социальной и культурной динамики" в 1937 году, где была изложена его социология социальных нарушений, были сданы в музей умственных заблуждений и перестали использоваться, особенно социальными учеными. Это развенчание ряда мифов требует хотя бы краткого рассмотрения.

Мифы о социальных нарушениях

В данной статье нет смысла воспроизводить все цифровые данные, приводимые в текстах Сорокина. С ними можно познакомиться, заглянув в третий том его работы. Но кое-какие материалы привести необходимо. При этом я ограничусь только его данными по Европейской цивилизации от VI в. н. э. до XIX века, разделенными по столетиям. Вот какой общий перечень индикаторов нарушений он получил: VI в. - 446,20; VII в. - 458,15; VIII в. - 733,98; IX в. - 598,65; X в. - 537,43; XI в. - 693,90; XII в. - 763,131; XIII - 882,90; XIV - 827,00; XV - 748,38; XVI - 509,56, XVII - 605,50; XVIII - 415,56; XIX - 766,91 [1, с. 586]. Частота появления и действия важных нарушений в жизни европейских "социальных тел" просто поразительна. В среднем годы социального мира коротки, всего 5-6 лет, и лишь для немногих стран встречались редкие исключения. За 14 веков европейской цивилизации Сорокин насчитал всего 10 случаев, когда полный мир просуществовал почти 50 лет. Не означает ли это, спрашивал он, что "нарушения есть нормальное проявление жизненных процессов социальных групп?". Полученные цифровые данные сделали бездоказательным первый популярный миф, по которому социальные нарушения трактовали как патологические, ненормальные и случайные процессы. Сорокин решительно выступил против этого мнения, заявив: социальные нарушения оказываются так же необходимыми, как и социальный порядок. Конечно, с субъективной стороны порядок людям предпочтительнее, чем его нарушения, но с научной точки зрения последнее естественно, как болевые ощущения у живого тела. "Все болит у древа жизни!" - говорил К. Леонтьев. И действительно, не было ни одного века Европейской цивилизации без нарушений и последующего восстановления социального порядка. Таков, по Сорокину, объективный ход истории. "В конце концов, - обобщает он, - каждое поколение встречалось с одним и более важнейшим нарушением в течение своей жизни" [1, с. 588]. Следовательно, смотреть на них как на совершенно исключительные, ненормальные, случайные явления социальной жизни так же ненаучно, как считать болезни, старость и болевые ощущения человека чем-то произвольным, противоестественным и случайным [1, с. 603].

Собранные Сорокиным и его соратниками по науке данные также разрушали широко распространенный (особенно на обывательском уровне) другой миф, согласно которому именуются нации и народы инстинктивно, наследственно склонные к порядку (к примеру - немцы, голландцы) и к анархии, беспорядку, социальным конвульсиям, неуважению к власти (русские, испанцы). "Любопытно, что большинство консервативных пророков этой "теории", - писал Сорокин, - включают собственную нацию в класс законопослушных почитателей порядка, большинство же радикалов, этих "донкихотов" революции и протеста - в класс благородных борцов с порядком и

властью". За последнее время, - продолжал он, - мне часто приходилось слышать суждения: "эти славяне и русские по своей природе - анархисты, а мы (британцы, французы, американцы и т.п.), слава небесам, являемся нацией порядка". Однако длинные списки индикаторов социальных нарушений были неумолимы: "Все нации в равной степени склонны к порядку и его нарушениям соответственно времени". Количественные различия между народами в этом отношении есть, но они ничтожно малы. Разговоры о народах порядка и беспорядка — идеологическая утка [1, с. 588].

Хотя в столетние периоды социальные нарушения регулярно имели место, варьируясь только по принципу "больше-меньше", то в двадцатипятилетние периоды в разных европейских странах Сорокин изредка обнаруживал ситуации с практическим отсутствием нарушений или их крайне низким уровнем. Так, общий список индикаторов в Европе XIX века был таков: 1801-1825 гг. - 1085,92; 1826-1850 гг. - 2703,23; 1851-1875 гг. - 979,91; 1876-1900 гг. - 599,37 [1, с. 585]. Именно конец XIX века с его низким уровнем индикаторов нарушений породил третий миф, популярный среди публики и некоторых ученых о том, что мы вступили в царство прогресса под лучами цивилизаторского солнца, и, если и будут еще кое-какие нарушения социального порядка, то они окажутся быстротечными, решаться будут без крови и насилия методами компромиссов и диалога. Индикаторы в таблицах Сорокина доказывали, что эти надежды - ничто иное как "сладкие мечты" [1, с. 593]. Уже замеры нарушений только первой четверти XX века насторожили Сорокина, ибо дали высокие индикаторы - 2071,28. Исходя из своей "гипотезы транзита" он с горечью прогнозировал: "Двадцатый век будет наиболее кровавым и турбулентным периодом и, следовательно, одним из жестоких и негуманных в истории Западной цивилизации и, возможно, в хронике человечества в целом" [1, с. 594-595]. Прогноз его, как отчетливо видно в конце этого века, подтвердился во многом.

Следует отметить, что индикаторы по всем периодам античной и западной цивилизации не обнаружили продолжительного периода ни в виде "прогресса/порядка", ни всеохватывающего беспорядка. Перед нами картина бесконечной флуктуации социальных нарушений, причем несмотря на все изменяющиеся исторические условия, отмечал Сорокин, эта флуктуация от века к веку много меньше, чем обычно представляют [1, с. 592]. Так, в столетние периоды европейской цивилизации амплитуда флуктуации нарушений составила между 414,65 и 882,90, т.е. нарушений в наиболее буйные века было немногим больше, чем в два раза, чем в наиболее спокойные века. В двадцатипятилетние периоды дифференциация больше: максимум - 300,46, минимум - 53,81, т.е. в 5-6 раз. А отчего же все это "богатство" нарушений и их флуктуация зависела? В чем вообще причины социальных нарушений? Поиски ответов на эти принципиальные вопросы составили теоретическую сердцевину многолетнего исследования Сорокина.

Главные итоги исследования

1. При взгляде на обширные ряды индикаторов по обем чередующимся временным интервалам в голову невольно закрадывается заманчивая мысль, - а не удастся ли найти повторяющиеся порядки смены индикаторов вроде смены температуры воздуха в разное время года, относительно которой даже ребенок знает, что летом всегда теплее, чем зимой. Ответ Сорокина был неутешительным: определить периодичность в пульсации внутренних нарушений каким-либо механическим аршином ни по двадцатилетним, ни по столетним периодам невозможно. Так, самые буйные четверть-вековые периоды составили следующие годы: 826-850, 1201-1225, 1301-1325, 1826-1850, 1901-1925, более или менее спокойными были периоды: 601-625, 851-876, 1676—1700, 1726-1750, 1876-1900. Практически каждая европейская страна имела один или более 25-летних периоды без важных нарушений социального порядка. Похожий неопределенный разброс был и по векам: минимальные показатели нарушений были в 6, 7, 16, 18 веках, максимальные пики - в 8, 13-14, 19-20. Сорокин справедливо предо-

стерегает коллег против соблазнов scientизма: "модные теории, которые пытаются интерпретировать социокультурные процессы с помощью механических принципов и описывать определяющую периодичность их являются неверными". Они не утвердили себя в поле исследования нарушений, "как, впрочем, и в других" направлениях [1, с. 592].

2. Но тогда перед социологом встает вопрос: что же определяет флуктуацию нарушений? Большинство известных теорий XIX-XX веков (марксизм, фрейдизм, функционализм и т.п.) приписывали, по Сорокину, происхождение социальных нарушений другим соответствующим процессам - войнам, особенно неудачным, "плохим материальным условиям", нищете или наоборот, неоправданно быстрому материальному обогащению, некомпетентному политическому управлению, невежеству масс, эгоизму правящих классов и т.п. коллективным неврозам и фрустрации. Сорокин был вынужден рассмотреть действие этих факторов и их корреляцию с социальными нарушениями. Вывод опять оказался нестандартным. Особенно подробно он рассмотрел войну - как внешнее социальное нарушение. Сопоставив индикаторы войн и внутренних нарушений, он пришел к выводу, что однозначной причинной связи между ними нет, точнее, что в ряде случаев она легко находится, но неоднократно совершенно отсутствует. Он обнаружил, что внутренние нарушения имели место сразу после окончания войны (как неуспешной, так и победоносной), в процессе военных действий и в условиях мира. В частности, в России с 1600 года по 1925 год 14 крупнейших социальных нарушений произошли после больших неудачных войн, 6 - в условиях мира и 1 - в ходе успешной войны [1, с. 595-599]. Далее он принялся анализировать другие факторы; прямая корреляция между ними и нарушениями вновь не обнаружилась. Социальные нарушения встречались в человеческой истории при некомпетентном и при мудром правительстве, в монархиях и республиках, в демократиях и тоталитарных режимах, при экономическом процветании и упадке, в урбанистических и сельских обществах, в века "просвещения" и "мрака", во времена быстрого развития обществ и застоя¹. Все перечисленные общественные условия и отношения играют относительно нарушений, по Сорокину, только производную, "непостоянную" роль, то усиливая или ослабляя, то расширяя или концентрируя нарушения. Но играют именно как "вторичные факторы" [1, с. 603]. Причины появления процессов социальных нарушений в общественной жизни лежат так же глубоко, как и причины внутреннего мира или порядка: те и другие являются феноменами внутренне связанными с существованием, функционированием и динамикой "социальных тел".

3. В этой связи он высказывает собственное предположение (называя его "гипотезой транзита") о происхождении флуктуации и пиках роста социальных нарушений. Суть его рассуждений сводится к следующему.

А) Ни общество (система систем и подсистема социальных отношений), ни культура (система и подсистема ценностей) никогда не бывают абсолютно интегральными, в них всегда наряду с лидирующими интегральными элементами будут встречаться оппоненты - неинтегральные или полуинтегральные элементы, являющиеся остатками старого и эмбрионами нового. Именно их наличие обеспечивает имманентную борьбу всех элементов за очередное лидерство. Внутренние социальные нарушения есть одна из форм этой борьбы. Вот почему, разъяснял Сорокин, мы должны смотреть на причины социальных нарушений значительно глубже, чем обычно делаем. Центральная, онтологическая причина их появления такова: в неизбежном имманентном изменении любая социокультурная система, которая выработала свой запас прочности и жизненных сил, начинает давать перебои, "заболевает", ломается и удаляется с исторической сцены, и поэтому социокультурный порядок любого общества граничит с

¹ Кстати, говоря о застое советской системы, деградации ее власти, экономики и идеологии часто забывают о множестве массовых беспорядков, прокатившихся по всей стране во второй половине 50-х - начале 60-х годов. См.: *Козлов В.А.* Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев. 1953-начало 1980-х гг. Новосибирск. Сибирский хронограф, 1999 г.

периодом транзита и ростом социальных нарушений. И любое общество будет рано или поздно входить в этот период, все общества человеческой истории сходны в этом отношении [1, с. 604]. Любые исторические периоды, когда доминирующие формы социокультурной системы начинают, достигнув "лимита" своих творческих сил и потенциалов, клониться к упадку, а другие, идущие им на смену формы, еще только складываются - отмечены значительным увеличением внутренних нарушений, из-за "ослабления, иногда даже уничтожения всех ценностей контроля, спасавшего членов своего общества от несдерживаемого, разнузданного следования своим желаниям" [1, с. 496]. Поэтому исходным условием "извержения" внешних нарушений, он считал то, что "социальная или культурная системы или обе совместно являются неустроенными" [1, с. 602]². Поэтому он и рекомендовал внимательно присмотреться к пикам нарушений и выяснить их социальную подноготную.

Б) Если мы представим себе общество, в котором каждый его член обладает жизненным стандартом миллионера, но главные духовные ценности там не едины, предельно расшатаны, несовместимы и соответствующая им система социальных отношений не кристаллизована, то такое общество будет, писал Сорокин, более турбулентным и дезорганизованным, чем другие общества, в которых только основные физиологические потребности скудно удовлетворены, но социокультурный фундамент крепок и члены общества верят в одни и те же ценности и живут для них. Социальные нарушения находятся тогда на низком уровне. Люди в таком обществе могут умирать от голодной смерти, но не бунтовать [1, с. 602-603]. В европейской истории, по подсчетам Сорокина, как уже отмечалось, было три самых высоких пика социальных нарушений в 8, 13-14 и 19-20 веках. Это были, по его мнению, поворотные точки в европейской истории с величайшим расколом систем социальных ценностей и отношений. Что же конкретно происходило в эти века с социологической точки зрения?

1) VIII век. Эпоха так называемого "Каролингского ренессанса". Переходный характер эпохи захватил не столько ценности "умозрительной культуры"³, которые стали распространяться с 6 века, сколько и главным образом социальные отношения; шла организация и реорганизация социальных, экономических и политических институтов феодализма, достижение интегрального соответствия их ценностям "Умозрительной культуры" [1, с. 601].

2) XIII-XIV века. Эпоха начала величайшего перехода от средневековой "умозрительной культуры" к современной "чувственной"⁴ от феодализма с его преобладающей системой патриархально-домашних социальных отношений к отношениям принудительным и договорным, от теократии к светским режимам, от феодальной раздробленности к национальным монархиям [1, с. 602].

3) XIX-XX века. Эпоха окончательной ликвидации "постсредневековых отношений", преобладание социальных отношений договорного типа. Расцвет капитализма, его ценностей и отношений. "Чувственная культура", особенно в XX веке уже ясно демонстрирует признаки дезинтеграции и входит в стадию транзита. Отсюда бурный

² Хотя Сорокин неоднократно подчеркивал единство социального и культурного, их неосуществимости отдельно друг от друга (что достижимо только аналитически, но не в реальности), но фактически, как верно отметил Ф. Коулз, определяющая роль оставалась в его конструкциях за ценностями и их системами, т.е. культурой [8. с. 49].

³ В этой культуре бытие видится людьми как Абсолют в состоянии покоя, потребности преобладают духовные, благочестивые и религиозные, отношение к природе - смиренное, уважительное, осмысление самого себя как органической части бесконечного бытия, потребности удовлетворяются на путях внутреннего самоограничения и аскетизма. Искусство - аллегорическое; этика - христианского милосердия [1, с. 27].

⁴ Ценности этой культуры прямо противоположны ценностям предыдущей: мир в ней видится как сумма материальных объектов, наодящихся в движении, человек как носитель рефлексов и комплексов (типа либидо), потребности в основном материальные, способ их удовлетворения - эгоистическая эксплуатация природы. В ней царит культ эмпирической науки, промышленности, натурализма в искусстве, утилитаризма в этике [1. е. 27-28].

рост социальных нарушений. Подробно объясняя кризис современной "чувственной культуры" по самым разнообразным параметрам - семья и воспитание, образование, мир и война (милитаризация), массовое и высокое искусство, политика и производство и т.п., Сорокин написал более десятка книг и множество статей. Особенно его радовало, что некоторые из его работ были переведены на многие языки мира. Распространение философско-социологических знаний о нынешнем кризисе, по его мнению, может обычное стихийное протекание "транзита" сделать более управляемым и целесообразным, что, вероятно, не позволит пику социальных нарушений быть очень острым [9, с. 140-141].

И последнее обстоятельство, очень важное в свете возможной профилактики и прогнозирования социальных нарушений. Сорокин задавал себе вопрос: что определяет направление процессов нарушений и разрушений в разных странах, находящихся на одном "культурном континенте" в течение одного и того же периода? Поднимаются ли они спонтанно и одновременно во всех странах, нескольких или в одной и только позднее появляются в других? И после изучения проблемы ответил: плохо или хорошо, но силы, провоцирующие социальные нарушения работают в разных странах одновременно в виде раскрывающегося веера. Начавшиеся в одной, они мгновенно перекидываются в другие, приводя к экстенсивным и быстрым социальным изменениям. "Так было в прошлом, так происходит и в настоящем" [1, с. 604]. Этими словами Сорокин закрывает свое рассмотрение темы.

В заключение вспомним несколько меланхолическую философскую реплику Сорокина, отмечавшего, что имманентный переход от порядка к беспорядку и обратно, имеет, на его взгляд, некий лимит как почти все социокультурные явления. За пульсацией стоят какие-то плохо понятые исторические силы, лежащие глубоко в основании, в корнях общественной жизни. Когда одна из этих сил становится на время лидером, начинается контрреакция, другие силы приступают к движению в противоположном направлении, посылая ее обратно [1, с. 593]. Постоянно чередуются фазы этого вечного двигателя истории: порядок-нарушение-порядок, происходит их бесконечное воспроизводство в новых географических условиях, с новыми людьми, в новых социальных координатах и последствиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Sorokin P.A.* Social and Cultural Dynamics. Boston: Porter Sargent Publisher, 1957.
2. *Sorokin P.A.* The Sociology of Revolution. Philadelphia. Y.B. Lippincott, 1925.
3. *Sorokin P.A., Zimmernan C.C.* Principles of Rural - Urban Sociology. New-York: Heury Holt, 1929.
4. *Sorokin P.A., Merton R.K.* Social Time: A Methodological and Functional Analysis // American Journal of Sociology. 42 (March 1937); *Sorokin P.A.* Sociocultural Causality, Space, Time. Durham, N.C.: Duke University Press, 1943.
5. *Энгельгардт М.А.* Прогресс как эволюция жестокости. СПб.: Ф. Павленков, 1895.
6. *Сорокин П.А.* Русская социология в XX веке // Рубеж. Альманах социальных исследований. 1992. № 4.
7. *Голосенка И.А.* Питирим Сорокин: судьба и труды. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1991.
8. *Cowell F.R.* Values in Human Society. The Contributions of Pitirim A. Sorokin to Sociology. Boston: Porter Sargent Publisher, 1970.
9. *Голосенка И.А.* Проблема кризиса общества и культуры в социологии Питирима Сорокина // Российская социология. Историко-социологические очерки. М: Изд. центр, гос. гум. ун-та, 1997.